

К вопросу о непрерывном образовании

Темыр Айтчевич Хагуров,

*профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН, доктор социологических наук*

• мифологема непрерывного образования • принципы образования • понимание • формирование Образа • право быть

Дело в мифологемах, создающих иллюзию легитимности и необходимости произошедших реформ. О каких же мифологемах идёт речь?

Цитирую Э.Д. Днепров: «В основу образовательной реформы 1992 г. были положены **десять базовых принципов**, разработанных ещё в 1987 г., одобренных в декабре 1988 г. на Всесоюзном съезде работников народного образования, а позднее развитых применительно к современным российским реалиям»¹.

Эти принципы и есть *мифологемы*, продукт и инструмент мифологического, а не научного или управленческого мышления. Остановимся на одной — *мифологеме непрерывного образования*. «**Сегодня образование нельзя приобрести на всю жизнь: знания, полученные в школе, изнашиваются подчас раньше, чем школьный ранец. Отсюда исходная посылка и лейтмотив непрерывного образования — образование не на всю жизнь, а через всю жизнь**»². Тезис о непрерывности образования, о стремительном устаревании знаний, о невозможности получить образование на всю жизнь давно стал трюизмом. Сторонники и противники реформ обычно соглашались друг с другом, когда речь заходит о непрерывности образования и невозможности

получить его раз и навсегда.

Эта мифологема построена на смешении понятий «об-

разование» и «подготовка». Проходить *дополнительную подготовку* сегодня действительно нужно чаще, чем 30, 50 или 100 лет назад. Но *образование* и сегодня, и вчера, и сто лет назад — это то, что получаешь раз и навсегда. Сказанное требует пояснений.

«Образование» и «подготовка»

Итак, ещё древние греки различали «технэ» — навык, умение, практическое искусство и «логос» — знание, смысл, значение. Разница между ними очевидна: технэ как практическим навыком *овладевают*, а к логосу как к истине *приобщаются*. Приобщиться к логосу означало принять некую матрицу мышления, понимания и рассуждения, то есть сформировать ум по образу. Но образование не исчерпывалось только интеллектуальной подготовкой. По определённому образу (канону, матрице) формировались и душевные, и нравственные качества — способность воспринимать и чувствовать прекрасное, мужество, доброта, правдивость. Этой задаче служили мусические искусства. И, наконец, телесная природа человека тоже подвергалась образованию — отсюда палестры и гимнасии, состязания и игры. Античность сформулировала классическую цель образования — всестороннее развитие человека, сформированность (по Образу!) его интеллектуальных, душевных, морально-волевых и физических качеств. Эта способность понимать, чувствовать и действовать определённым **образом** и называлась образованием.

¹ Днепров Э.Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. М.: Мариос, 2011. С. 42.

² Там же. С. 51.

И все понимали: это то, что даётся на всю жизнь. Следует ли понимать, что человек, получивший хорошее образование, в дальнейшем ничему не учился? Напротив, он мог и должен был овладевать многими новыми навыками и умениями, но это была уже *профессиональная подготовка*. Способность же самостоятельно осваивать новые знания и навыки как раз и формировалась в процессе образования. Такова была точка зрения классической философии.

Классические положения античной педагогики были развиты христианством. Принципиально новое христианское понимание Истины наполнило античные образовательные формы. Истина есть Бог, а Бог есть Любовь (Добро) и Красота. Образ обрёл конкретные черты Христа и святых как ступеней к этому образу. Но это содержание ничуть не устранило прежней идеи образования: человек формируется по образу и далее способен следовать по жизни самостоятельно.

Что даёт человеку образование?

По большому счёту, всего несколько вещей:

- а) понимание важных истин;
 - б) способность правильно рассуждать;
 - в) способность чувствовать, понимать и ценить красоту и любовь;
 - г) способность к нравственному (добро), а значит, волевому поведению;
- д) готовность к выполнению базовых социальных ролей — мужчины или женщины (этому нужно учиться, о чём сегодня часто забывают), отца или матери (нужны примеры, образы), друга и соратника в каком-либо деле.

Это главное. Прочие же конкретные навыки или, как сегодня принято выражаться, компетенции вторичны и выстраиваются на образовательном фундаменте. Отсюда принцип фундаментальности — обеспечить базу понимания, рассуждения, поведения и чувства. А.А. Остапенко и А.В. Шувалов³, говоря о целях образования, рассуждают в сходном ключе. Они утверждают, что цели образования по большому счёту сводятся к развитию (разбуживанию, научению)

в ребёнке любви. Любви к знаниям, труду и людям и формированию, соответственно, социально и личностно значимых качеств: *любопытности, трудолюбия и человеколюбия*.

Советская школа, как и всякая классическая школа, в целом обеспечивала искомое — формировала Образ на прочном фундаменте. Профессиональное образование устроено сходным образом. На фундамент общего образования накладывается база профессиональных знаний, от общих истин переходят к конкретным. Человек сначала овладевает общепрофессиональными интеллектуальными инструментами. Затем на эту базу накладываются специфические профессиональные компетенции.

Итак, принцип классического образования прост: сначала ценностно-мировоззренческая и интеллектуально-волевая база, потом — инструментально-деятельностная часть. Сначала понимать и любить, потом — действовать. И то, и другое интегрируется в рамках Образа.

Если принять эти рассуждения, очевидно, что разговоры о непрерывном образовании всего лишь подмена понятий. То, что следует за образованием, — это подготовка, саморазвитие, углубление и расширение знаний и прочие формы интеллектуально-духовного роста, опирающиеся на фундамент Образа. Говорящим о стремительном усвоении знаний, напомним, что *принципиальные, глубокие знания о мире меняются мало и очень медленно*. Последний раз нечто подобное (смена картины мира) происходило в XVI–XVII вв., что и вызвало потом перестройку системы образования: появилось массовое школьное и профессиональное технологическое и естественно-научное образование. При этом в области гуманитарных знаний и гуманитарного образования эти изменения были гораздо меньшими, чем может показаться на первый взгляд. А в сфере воспитания — ценностной сфере —

³ См.: Остапенко А.А., Шувалов А.В. Путь к полноте образования человека: от законничества через благодатность ко спасению. Краснодар: КМКОЦ, 2010; Остапенко А.А., Шувалов А.В. Антропологическая лестница образовательных целей и результатов: от законничества через благодатность ко спасению // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. Вып. 1(21). Казань: Казанск. духовн. семинария, 2011. С. 191–202.

так и вовсе ничтожными. Прочитав своего любимого К.С. Льюиса: «Различия между взглядами на мораль действительно существовали, но они всегда касались лишь частных случаев. <...> Я хотел бы лишь попросить читателя подумать о том, к чему бы привело совершенно различное понимание морали. Представьте себе страну, где восхищаются людьми, которые убегают с поля битвы, или где человек гордится тем, что обманул всех, кто проявил к нему неподдельную доброту. Вы с таким же успехом можете представить себе страну, где дважды два будет пять»⁴. В самые различные эпохи человек остаётся человеком и важнейшие ценности неслучайно называют вечными. Поэтому «Письма к Луцию» Сенеки, написанные в I в., и «Письма к сыну» Честерфилда, написанные в XVIII в., так современно звучат и сегодня, в эпоху нанотехнологий и компьютеров. В эпоху научной революции и смены картины мира XVII–XVIII вв. лучшими в Европе были иезуитские школы, консервативные и гибкие одновременно.

Когда сегодня взахлёб говорят об информатизации и о том, как компьютер меняет процесс обучения, хочется крикнуть: «Люди, опомнитесь!». Что меняется принципиально? Компьютер берёт на себя примитивные интеллектуальные задачи, тогда как сознание первоклассника бесконечно сложнее. Что даёт компьютер? Возможность быстро найти нужную информацию, быстро посчитать, не более. Но ведь эту информацию ещё нужно осмыслить, понять, а такая способность стремительно исчезает у детей компьютерного века. Вместо *понимания* формируются простейшие интеллектуальные навыки *распознавания и комбинаторики*, блокирующие самостоятельность мышления. Это же бич современных студентов.

Если мы признаём, что существуют истины, то вынуждены будем признать, что образование есть приобщение к этим истинам. Иногда сам процесс формирования Образа

означает бесконечную изменчивость Образа. И вот здесь мы оказываемся на стыке теории и метафизики.

До тех пор, пока существуют истины (при всей проблематичности их постижения), содержание Образа задаётся этими истинами. Если же происходит уравнивание истины и мнения, то исчезает возможность (и необходимость!) задать Образ. Остаются только интеллектуальные и деятельностные инструменты. Впервые этот принцип реализовали софисты, заявившие устами Протагора, что человек есть мера всех вещей и провозгласивших целью образования личностную эффективность⁵. Полемика философов с софистами была ничем иным, как сражением за истину, за абсолютные ценности. Если нет истины, то Образ заменяется бесконечностью образов. *Отказ от истины проблематизировал само бытие*. Неслучайно следующие за софистами скептические школы распространили свой скепсис на всё бытие. Подлинность мира и человека оказалась под вопросом. И не случайно в это время широко заявил о себе гедонизм. Когда во всём сомневаешься, только удовольствие и смерть остаются реальными. Тогда ситуацию в сфере метафизики и философии, а следовательно, и в сфере практической спасло христианство. В эпоху Возрождения нечто подобное происходило в творчестве, например, Ф. Рабле. Раблезианскую апологетику Низа лишь отчасти погасило шатающееся католичество. В конце XVIII в. радикальную версию аналогичного скепсиса предложил маркиз де Сад. Тогда ситуацию спасла светская этика, отделившаяся от христианства, но не утратившая ещё окончательно различия добра и зла. Это, пожалуй, наиболее явные примеры. Сегодня мы, похоже, наблюдаем очередную историческую драму нападения Сомнения на истину.

Постмодернизм

Это мощнейшее философское течение современности. Его можно кратко определить как новое искушение сомнением. Крупнейшие представители постмодернистской философии осуществили эффектную (что не означает убедительную) критику истин: гносеологических, моральных, эстетических

сильно растягивается (например, работа мешает учёбе), что не отменяет сути. В полном же смысле *непрерывное образование*

⁴ Льюис К.С. Просто христианство. М.: Fazenda, Дом надежды, 2003. С. 13.

⁵ Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. Уч. пособие. М.: Владос, 2001. С. 65, 76–78.

ких⁶. Выражаясь языком психоанализа, постмодернисты репрессировали Сверх-Я, освободив Оно, отключив мораль, провозгласили свободу инстинктов. В результате влияния постмодернизма в сфере культуры, прежде всего массового искусства общество (особенно российское) получило мощный поток эстетики Низа, практически по Рабле и де Саду. Но нас сейчас интересует другое. *Постмодернизм проблематизировал возможность быть.*

Человеку нужно кем-то быть. В определённом *бытии* (нравственном, социальном, профессиональном) он реализуется как человек. Чтобы кем-то быть, нужно им стать. Лучшего пути *становления*, чем семейное воспитание и хорошее школьное образование, человечество не придумало. Постмодернизм отнимает возможность подлинного бытия. Этот вопрос глубоко исследовал Ж. Бодрийяр. Он же указал, что место Подлинности в современном мире занимают симулякры — подделки под реальность⁷. Сегодня симулякр может быть не только «горячая» новость или рекламный образ. Им может оказаться и человек и общественное движение и многое другое. «Казаться» и «быть» смешались окончательно. Всё это глубоко повлияло на теорию и практику образования.

Ещё более мощное влияние на образование оказали новейшие теории социальной динамики. «Постиндустриальное общество» Д. Белла, «Информационное общество» Ф. Уэбстера, «Общество сетевых структур» М. Кастельса и многие другие работы выразили, по сути, одну и ту же мысль: современность становится сложноорганизованной и очень изменчивой. Наиболее ярко, мне кажется, главную мысль этого направления в социальной теории выразил Э. Тоффлер ещё в 1969 году в знаменитом «Шоке будущего», а потом в «Третьей Волне»⁸. Мысль эта проста: всё изменяется быстро и постоянно — профессии, социальные роли, экономика, наконец, сам человек. Это шокирует, но к этим постоянным изменениям нужно адаптироваться, ибо таково наше будущее. Именно эта мысль оказала огромное влияние на образование. Действительно, если вся современность стала «текучей», то образование должно стать непрерывным. Как сформулировал это П. Дракер, в современном обществе школа

должна прежде всего научить человека учиться⁹. Это одна из наиболее часто цитируемых реформаторами образования идей. Однако эта красивая фраза малосодержательна. Что значит «научить учиться»? Советская школа этому не учила? Этому учит любая хорошая школа. Многие убеждены, что сегодня школа, как и вчера, и сто лет назад, должна научить ребёнка прежде всего различать добро и зло, правильно мыслить, любить знания, вот он и полюбит учиться.

Между тем в общественном сознании, особенно сознании интеллигенции, сегодня соединяются идеи постмодернизма и социальных теорий, отстаивающих «естественность» и «правильность» быстрой изменчивости современного мира. Эти идеи транслируются в каналах массовых коммуникаций, тиражируются в произведениях искусства, смакуются научно-экспертным сообществом. В результате подлинность в мире (то есть истинное бытие) вновь оказывается под вопросом. Это касается всего: политики, превращающейся в шоу, семьи, приобретающей форму временного союза, мужественности и женственности, принимающих формы «маскулинности» и «феминности» и трансформирующихся друг в друга. Мир превращается в бесконечную трансформацию форм, лишённых сути. Ибо что есть суть? Когда истины относительны, а изменения естественны, человек утрачивает право (именно право!) *быть*, но получает возможность «менять идентичность», экспериментировать с «образами Я». То, что само «Я» при этом утрачивает подлинность, *перестаёт быть*, мало кто замечает. Не здесь те корни «воспитания небытием», на которое указал А.А. Остапенко¹⁰. И если

⁶ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998; История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2002.

⁷ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

⁸ См.: Тоффлер Э. Футурошок. СПб.: Лань, 1997; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002.

⁹ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Academia, 1990.

¹⁰ См.: Остапенко А. Воспитание небытием // Воспитательная работа в школе. 2010. № 7. С. 5–6.

всерьёз додумать, к чему это ведёт, то станет по-настоящему страшно. Это прямой путь к постчеловеческой цивилизации, у которой уже есть прямые апологеты¹¹. Задумайтесь, что собой представляет мир, где исчезли (или «изменились», что одно и то же) мужественность, доброта, честность, любовь, самопожертвование. Уже трудно встретить по-настоящему мужественных мужчин и женственных женщин, ответственных политиков и милосердных врачей. И это только начало. Для человека, разучившегося (или так и не научившегося) видеть истину и верить ей, единственной реальностью становится он сам и его потребности. Скепсис всегда эгоцентричен. Не случайно Э. Бауман говорит об «индивидуализированном обществе»¹². Другую особенность по-настоящему глубокого скепсиса очень верно выразил Ф.М. Достоевский в раскольниковской формуле «всё позволено». Отсюда буйство низменных страстей, многие из которых уже превращаются в «норму» (например, половая распущенность, принимающая форму «сексуальной активности», или примитивный нарциссизм, превращающийся в «самодостаточность и уверенность в себе»).

В таком обществе, конечно, нужно непрерывное образование и совершенно не нужно образование подлинное. Ибо Образа нет и быть не может. Ибо ценности есть не более чем «взгляды, имеющие право на существование». Есть и другая причина. Цивилизация скепсиса — это цивилизация игры и манипуляции. Когда мы имеем дело с подлинным бытием, взаимодействия между людьми строятся на принципах служения и любви. Когда бытия нет, их место занимают игры и манипуляции. Люди делятся на манипулируемую массу и манипулирующую элиту. Подлинное образование (а это, напомним прежде всего, *знание ценностей и умение мыслить*)

есть мощное противоядие манипуляциям. В Античности это решалось проще — там образование было благом для избранных. Сегодня отменить результаты просвещения не так легко. Один из выходов —

массовая профанация образования. Чем-либо другим системный отказ от простых и ясных принципов подлинного образования, которые почти не меняются, объяснить трудно.

В заключение напомним, что фольклорная фигура «вечного студента» трагикомична. В ней отражена неспособность получить образование в срок и начать быть. Не это ли ждёт значительную часть школьников, которые сегодня получают образование с прицелом на «непрерывность»? □

¹¹ См. напр. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология, футурология. М.: ПЕР СЭ, 2001. Можно было бы привести ещё много примеров, но они потребуют комментариев, на которые нет возможности в данном небольшом тексте.

¹² Бауман Э. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.